

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ГЕНИАЛЬНЫЙ ГРАБИТЕЛЬ

ЭКСМО

Гениальное ограбление

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ГЕНИАЛЬНЫЙ ГРАБИТЕЛЬ

«ЭКСМО»

2013

Сухов Е. Е.

Гениальный грабитель / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2013 — (Гениальное ограбление)

ISBN 978-5-699-64889-4

Андрей Курганов, генеральный директор компании «Российские алмазы», узнает, что новая власть собирается сместить его с должности и заменить своим человеком. Оно и понятно: место хлебное, и желающих встать у «кормушки» – хоть отбавляй. Но Курганов не сильно расстраивается. За годы службы он сумел припрятать немало драгоценных камней на «черный» день. И сделал это почти официально: его камни хранятся в банке вместе с государственными, только цифры в отчетных документах «липовые». Курганов решает, что пришло время забрать свои камни, и обращается за помощью к виртуозному вору Степану Шабанову, которому ограбить хранилище с алмазами – раз плюнуть...

ISBN 978-5-699-64889-4

© Сухов Е. Е., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Евгений Сухов

Гениальный грабитель

Часть I

Полмиллиарда долларов

Глава 1

Родом из детства

Дверь бесшумно распахнулась, и в кабинет вошла Варвара – оператор по работе с персоналом, – если по-простому, обыкновенная секретарша, какая имеется почти у каждого руководителя учреждения. Вот только компания, в которой работала Варя, называлась «Российские алмазы», а потому секретарша генерального директора просто обязана соответствовать высоким стандартам. Имея броскую внешность и покладистый ровный характер, Варя без труда справлялась с непростой задачей. До нее секретаршей работала Татьяна, девица с огненной гривой, однако число ее поклонников зашкаливало за допустимый предел, и Курганов Андрей Макарович, генеральный директор компании, решил с ней расстаться, определив девицу пусть не на столь значимое место, но столь же хлебосольное, – в цех огранки алмазов.

Курганов не без оснований считал, что с Варварой ему повезло. Первое, на что обращали внимание посетители, когда приходили на прием, так это на ее теплую красоту, позволявшую перешагивать кабинет строгого начальства в благодушном расположении духа.

Место, где встречаются подобные экземпляры человеческой природы, располагалось в Иркутске – некий исторический эпицентр, порожденный столкновениями множества кровей, начиная от коренных жителей бурятов, столь непривычных европейскому взору, до потомков донских казаков, что пришли в Сибирь гонимые царским указом и собственными честолюбивыми помыслами. Испытывая дефицит в женском общении, казаки охотно обращали алчные взоры на местное женское население, нередко оказывавшее им радушный прием. Вот от этой необузданной, диковатой любви народились девицы с независимым характером, красивым гордым профилем, которых трудно было представить в русских кокошниках, столь характерных для средней полосы России.

Варвара, как никакая другая девушка, умела соответствовать характеру заведения, в котором работала, и держала хорошенькую головку столь высоко, как если бы ее макушку украшал венец из крупных самоцветов. При этом вела она себя совсем не чопорно, что порой свойственно девушкам ее возраста и внешности, вполне даже дружелюбно, с милой улыбкой на слегка скуластом личике, но вместе с тем в разговоре даже при самом доверительном диалоге всегда ощущалась граница, перешагивать которую не хотелось. Эту девушку Андрей Макарович отыскал сам (весьма редкий случай), пренебрегая многочисленными рекомендациями, что обрушились на него валом, когда только обмолвился о том, что хочет подыскать себе другого оператора по работе с персоналом, – просто обратился в бюро занятости и уже через два дня ему предложили подходящую кандидатуру. Как следовало из резюме, девушка окончила пединститут иностранных языков и искала подходящую работу. Первое время Курганов лишь присматривался к ней, полагая, что девушка слишком хороша, чтобы отвечать на бесконечные звонки и стучать по клавишам. Но через две недели выяснилось, что Варвара была не только привлекательная, но и весьма сообразительная.

Единственным минусом Вари, с точки зрения Курганова, был ее высокий рост (а порой она приходила и на высоких каблуках!), прежде девушка всерьез занималась баскетболом и выступала за сборную вуза, и генеральный директор ощущал некоторый дискомфорт, стоя с ней рядом, когда она возвышалась над ним едва ли не на целую голову! Хотя как посмотреть... Иные мужики на ее распрямленную спину взирали с неподдельным восхищением и наверняка втайне завидовали ему, полагая, что генеральный директор, не лишенный творческой фантазии, использует ее рост весьма креативно.

– Андрей Макарович, подошел Федор Юрьевич, – не проговорила, а буквально пропела Варвара.

Федор Юрьевич Тимофеев был начальником цеха конечной доводки алмазов и главным экспертом. Именно к нему после многоступенчатого обогащения кимберлитовой породы, включая ее дробление, промывку и рентгено-люминесцентную сепарацию, попадают все алмазы, которым предстоит дальнейшая сортировка. Если присмотреться к цеху, которым он руководит, то в нем нет никакой романтики: за небольшими столами с яркими настольными лампами сидят женщины в белых халатах, на руках длинные резиновые перчатки, и они, вооружившись узкими пинцетами, выбирают из общей кучи разновеликих алмазов подходящие по размеру и бережно складывают их в небольшие металлические коробочки, которые, по мере заполнения, сыпаются в большие металлические тары, весьма напоминающие тазы, что используют в общественных банях. На всякого, кто видел, как по длинной резиновой ленте движутся большие тазы с ручками, до самого верха наполненные высококачественными алмазами, зрелище производило сильнейшее впечатление!

Как было заведено в последние три-четыре года, начальник цеха приносил Курганову на просмотр самые крупные алмазы, которым нередко, здесь же, проявляя остроумие, давали собственные имена. После этой нехитрой процедуры особо значимые алмазы отправляли в центр сортировки в Мирный в сопровождении усиленной вооруженной охраны. В этот раз, как уже доложили Андрею Макаровичу, было обнаружено три крупных уникальнейших алмаза: два черного цвета и один ярко-желтый. И генеральному директору не терпелось на них взглянуть.

– Пусть заходит, – стараясь скрыть нетерпение, отозвался Курганов.

– Хорошо, Андрей Макарович, – ответила Варвара и, круто развернувшись, пружинистой походкой дикой своевольной кошки зашагала к двери.

Андрей Курганов невольно остановил взгляд на ее упругих ягодицах, отметив, что вчера на девушке было зеленое обтягивающее платье, напоминавшее кожу хищной и опасной ящерицы, выгодно подчеркивающее ладно скроенную фигуру. Девочка многим рискует, когда-нибудь у него возникнет желание погладить ее ниже талии. А может, она считает, что Андрей Макарович бесчувственный чурбан или слишком стар для подобного рода ухаживаний? Если это так, то девушка очень сильно заблуждается – он, как и всякий мужик, может быть подвержен страстям. Вот тогда берегись!

Негромко постучавшись, в комнату вошел плотный мужчина около тридцати пяти лет, с огромной желтоватого цвета залысиной и аккуратными небольшими очками на птичьем носу. На нем был стального цвета костюм из тончайшей шерсти, явно не местного производства. За внешне простым покровом чувствовался шик, всегда отличающий дорогие модели.

В узких длинных ухоженных ладонях Тимофеев держал небольшую металлическую коробочку, в которой находились алмазы. Обращался с ней с подобающей деликатностью, как и положено с незаурядной вещью. В общем-то, Тимофеев был одним из ведущих геммологов России (благо что под боком находилась столь внушительная база), и у многих складывалось впечатление, что он знает об алмазах буквально все! Так что компании «Российские алмазы» с Тимофеевым подфартило.

– Проходи, садись, – показал генеральный директор на стул подле себя. И когда Федор Тимофеев присел по правую руку от директора, аккуратно поставив перед собой платиновую коробочку, спросил: – Как добрался?

Спросил, как если бы пришлось добираться откуда-то с Магадана.

На губах Тимофеева мелькнула лукавая улыбка. Впрочем, разгадать ее секрет не составляло труда, все-таки не «улыбка Джоконды»! В концерне «Российские алмазы» была одна из мощнейших служб безопасности в стране. А главный консультант производства при всей строгости свободно выносит из производственной зоны алмазы величиной с грецкий орех. А ведь досмотр на производстве был поставлен на очень высоком уровне, если не сказать, крайне жестко – ему подвергались буквально все, начиная от мастера драги и заканчивая инженерами, контролирующими конечную стадию продукции. Не считаясь с чином, охрана заставляла раздеваться догола всех, беззастенчиво требовала присесть; смотрела под ногти; заглядывала в самые интимные места; расчесывала волосы, опасаясь, что алмазы могут быть спрятаны в них; требовала полоскать рот. Так что при таком неустанном бдении укрыть даже самый крохотный алмаз не представляется возможным. Но даже это еще не все: уже на выходе каждого работника могут проверить выборочно. Сама охрана также подвергается тщательному досмотру. А тут по звонку генерального, буквально с самого конвейера сгребашь в металлический контейнер самые редкие и крупные алмазы, после чего беспрепятственно выходишь из помещения.

– Спасибо, благополучно.

– Так чем ты меня порадуешь на этот раз? – нетерпеливо спросил директор.

– Взгляните, – торжественно произнес Федор Юрьевич и, щелкнув хромированными замками, открыл коробочку.

В небольших углублениях на бархатной красной подушечке лежали три большущих алмаза: два черных (один из которых был величиной с грецкий орех, другой – вполовину меньше) и один желтый, как по форме, так и по размерам напоминающий каштан средних размеров. Взяв пинцетом желтый камень, Тимофеев осторожно положил его на стол перед Кургановым.

– В нем девятнадцать карат. Идеальный камень! Отсутствуют даже мельчайшие трещины. С огранкой «принцесса» он будет стоить примерно четыреста пятьдесят тысяч долларов.

– Однако! Откуда они?

– С карьера «Дружба».

Генеральный понимающе покачал головой. Так уж случилось, но именно на этот карьер в последние годы приходились самые серьезные находки алмазов. Да и в геологическом плане месторождение значительно отличалось от всех остальных.

Алмаз, напоминавший глаза дикой кошки, выглядел невероятно теплым, однако такое ощущение было обманчивым, достаточно было лишь взять его в ладонь, чтобы почувствовать холод, исходящий от его гладких граней. Такое неповторимое изящество не признает никакой дружбы и со всяким будет держаться надменно и холодно, даже с теми, кто посчитает его своим, выплатив за него целое состояние.

Андрей Макарович приподнял камень и внимательно всмотрелся в янтарную глубину, заигравшую многими огнями. В какой-то момент показалось, что он потерял счет времени – подобное сияние способно очаровать кого угодно.

– Черные алмазы такого качества и таких размеров уже давно не встречались в этом карьере.

– Да, я знаю... Они впечатляют, – согласился генеральный директор, невольно улыбнувшись.

– Я уже провел компьютерные исследования для этого большого алмаза, – приподнял Тимофеев наиболее крупный черный алмаз. – Более всего подходит огранка «маркиз». Заиграют все грани... Даже вот эта, – показал он на небольшой скол. Аккуратно положив камень на

место, он взял второй. – А вот для этого алмаза подойдет огранка «слеза», аккумуляция света будет наиболее полной. Как вам мое решение?

– Ты старший консультант генерального директора компании, мое доверенное лицо, так что тебе и карты в руки.

– Тогда я отдам распоряжение.

Генеральный едва заметно кивнул.

– Договорились... А какова будет их предварительная стоимость?

– При обработке алмазы уменьшатся на треть, это надо учитывать... На их поверхности имеются небольшие включения минералов, которые можно заметить только под микроскопом. Но даже в этом случае цена на них не опустится ниже восьмисот тысяч долларов.

– Неплохо...

Прозвевший телефонный звонок прервал разговор. Извинившись, Курганов взял трубку:

– Слушаю.

– Андрей Макарович? – в голосе прозвучали значимые интонации, какие можно различить лишь у человека, облеченного властью.

– Да, это я, Петр.

– У меня есть для тебя неприятная информация.

– Что такое? – невольно насторожился Курганов.

– Тебя хотят подвинуть.

– Вот это новость, ты меня огорошил!

– Извини, посчитал, что ты должен быть готов к этому известию.

Звонившим был Герасимов Петр, его однокашник, один из немногих юношеских приятелей, с кем Курганов до сих пор поддерживал тесные отношения. Надо признать: Петр не однажды выручал его в трудные минуты, а когда требовалось опереться о крепкое плечо, так он с готовностью его подставлял.

Сейчас был тот самый случай.

За прошедшие пять лет, что Андрей Курганов провел в кресле генерального директора, его не однажды пытались потеснить. И всякий раз приходилось подключать личные контакты на самом верху, чтобы подобного не произошло. Однако с каждым годом сопротивляться давлению из центра становилось все труднее – уж слишком хлебным для многих представлялось его место. А ведь усаживаясь в кресло, он получил в наследство полуразвалившееся, едва ли не убыточное хозяйство, и пришлось потратить немало сил, чтобы выйти по добыче алмазов на сегодняшний уровень. Именно ему удалось пробить решение самостоятельно продавать сырье и граненые алмазы напрямую потребителю, что подразумевало значительную прибыль в ближайшее время. Число недоброжелателей Курганова увеличилось многократно в последние полтора года, когда он сумел добиться большей автономии.

– Насколько это серьезно? – глухо спросил Андрей Макарович, скосив тяжеловатый взгляд на Тимофеева, сидевшего молчком.

Уложив алмазы в металлическую коробочку, эксперт старательно делал вид, что изучает физико-географическую карту Южной Якутии, на которой красными флажками были помечены кимберлитовые трубки. Андрей Макарович понимал, что это всего лишь дипломатический эквивок. В действительности эту карту за последние два года Тимофеев успел изучить до мельчайшей речушки, до самой незначительной сопки. Большую часть территории Тимофеев проползал на собственном брюхе, так как родился в Южной Якутии и большую часть жизни провел именно здесь.

– Сейчас все очень серьезно, – высказался Герасимов. – Указания исходят от уполномоченного представителя президента. Сам понимаешь, такие решения не отменяются. Видно, там, наверху, уже все решили.

– Вот как... И кого же решили поставить?

Федор Тимофеев уткнул взгляд в огромную фотографию разрабатываемого карьера «Дружба», запечатленного с километровой высоты. Огромные «БелАЗы», грузоподъемностью до ста сорока тонн, чередой тащившиеся по серпантину, выглядели всего лишь невыразительными букашками в гигантском карьере. А его глубина, вместе с буровой установкой на самом дне, просто терялась где-то в недрах земли. И это всего-то один из двух десятков гигантских карьеров акционерного общества «Российские алмазы». Работать на столь масштабном предприятии, пусть даже если ты обыкновенный проходчик, было невероятной удачей, а что говорить о нем, Курганове, генеральном директоре, уже не один год возглавлявшем столь масштабное предприятие. От одной мысли, что каждый день проходчики поднимают «на гора» десятки тысяч каратов, просто захватывало дух. И вот теперь выискались люди, которые намереваются отобрать его детище.

– Кто-то из центра. Фамилию точно сказать не могу, все держится в секрете, но кажется, Нивелин. Знаю, что документы на твоё отстранение находятся на подписи у президента.

– Это который Нивелин? Николай Абросимович, что ли?

– Он самый.

Усилием воли Курганов сумел подавить вспыхнувшее в нем чувство негодования. У Нивелина были серьезные покровители в Совете министров, наверняка именно с их подачи он рискнул раскрыть рот на столь лакомый кусок. Пять лет назад Нивелин был директором шахты на Кузбассе, а когда завалило два десятка горняков, так по решению московской комиссии из руководства его убрали. Но, как это частенько бывает, не понизили, а наоборот, повысили – перевели в Министерство геологии, где Нивелин возглавил один из важнейших секторов – по запасам углеродного сырья. Последующие пять лет Нивелин прыгал с одной должности на другую, все выше взбираясь по служебной лестнице, и вот теперь у него на носу новое назначение – генеральный директор компании «Российские алмазы». Должность не только хозяйственная, но и во многом политическая, а значит, наверху назревают какие-то серьезные комбинации, связанные с перестановками фигур и, как следствие, требующие траты бюджетных денег, а его компании отводится незавидная роль дойной коровы. Сам Курганов на такое дело не подпишется, следовательно, вместо него уже подыскали более лояльную фигуру.

– Что ж, это на него вполне похоже. Нивелин всегда подсуетится там, где нужно... Хм, и там, где не требуется.

– Что думаешь делать? – В голосе собеседника прозвучали нотки сочувствия. – Поборешься?

– Думаешь, есть смысл?

– Трудно сказать... Хотя, кто знает. Я со своей стороны еще прозондирую почву, но шансы твои невелики... Откровенно хочу сказать.

– Я понял, спасибо.

– Если тебе что-то вдруг потребуется, так ты дай мне знать. В любом случае без работы не останешься.

– Договорились.

Андрей Курганов в задумчивости положил трубку.

Первая попытка подвинуть его с места генерального директора компании предпринималась четыре года назад, когда его производство без лишнего шума сумело обойти «Де Бирс», сделавшись крупнейшим в мире производителем алмазов. Что тут говорить, тридцать миллионов каратов, ежегодно получаемые с карьеров компании, это не шутка! Сырые алмазы складывали в хранилище, где они дожидались наиболее благоприятной обстановки для продажи. Выбрасывали на рынок лишь небольшими партиями, чтобы не сбить на них мировую цену. Так что, по большому счету, глобальные цены на алмазы отныне зависели теперь от России, а точнее от него, генерального директора компании «Российские алмазы» Курганова Андрея Мака-

ровича. Именно Россия определяет в данный момент стоимость всех ювелирных драгоценностей – колье, ожерелья, кольца, подвески, – где присутствуют алмазы. И хотелось бы верить, что такая политика будет продолжаться долгие годы.

Страшно даже представить, что станет с алмазным рынком, если однажды Россия надумает выбросить на прилавок хотя бы десятую часть накопленных сырых алмазов. Цены на бриллианты будут не просто меньше, они упадут в разы! И даже самый эксклюзивный алмаз будет стоить не больше безвкусной бижутерии в каком-нибудь заштатном провинциальном магазине. Свою главную задачу Курганов видел в том, чтобы проводить мудрую политику, стараясь не сбить установленной однажды цены. Всем известна истина, что обесцениваются деньги, а цены на драгоценности неуклонно продолжают расти. Так что подобная тенденция должна продолжаться и впредь! Иначе, негласно подчиняться правилу, установленному еще более ста лет назад основателем «Де Бирса» господином Сесилем Джоном Родсом: «Ситуацию на рынке нужно держать всегда таким образом, чтобы на три покупателя всегда оставалось только два алмаза».

Если не поддерживать цену на алмазы, то они просто станут куском угля.

Четыре года назад Курганов сумел удержать компанию в руках, убедив руководство страны не назначать нового человека: алмазный бизнес весьма консервативен и не принимает случайных людей. Здесь привыкли работать с теми, кто успел себя зарекомендовать, кто крутится в нем уже долгие годы. Андрей Макарович входил в их число. А потом ведь совершенно неизвестно, как может повести себя новый человек, заполучив кресло руководителя столь серьезного предприятия. Возьмет и профукает государственное достояние!

О том, что отставка должна была произойти в ближайшее время, Андрей Макарович предчувствовал. Точнее, просчитал. Его самостоятельность с концентрацией в одних руках значительных ресурсов, способных существенно повлиять на экономику страны, была поперек горла многим влиятельным фигурам в правительстве. А за пределами страны его увеличивающегося влияния на алмазном рынке, как реальной угрозы собственному бизнесу, всерьез опасалась всемогущая международная корпорация «Де Бирс» (они и так потеряли половину своих доходов, как только Россия заняла ведущее место в мире по добыче и обработке алмазов), а потому будет настаивать на его отставке, грозя международными торговыми санкциями. Так что его смещение всего лишь вопрос времени, выгодное многим значительным людям.

Предвидя возможную отставку, Андрей Макарович подготовил для себя базу, сколотив неплохое состояние, что позволит ему в какой-то степени компенсировать душевный дискомфорт. На ожидаемом пенсионе он планировал организовать собственное прибыльное дельце, которое смогло бы на равных конкурировать с дочерними компаниями «Де Бирса». При его нынешнем положении повернуть такую комбинацию было не столь уж и затруднительно. Из тридцати миллионов каратов алмазов, поднятых из кимберлитовых трубок, десятая часть отправлялась в банк «Заречье», откуда дальше шла на шлифовальные заводы Израиля и Армении. Причем каждое звено длинной цепочки было глубоко убеждено, что не совершается ничего противоправного, и алмазы поступают в хранилище банка вполне на законных основаниях.

Собственно, со стороны так оно и выглядело.

На прибывшие в хранилище алмазы имелись все надлежащие бумаги, какие требовалось иметь при транспортировке: сургуч, скреплявший холщовые мешки, круглые печати, подписи высокопоставленных чиновников, сопроводительные письма. В каждом грузе, даже самом незначительном, указывалось количество поступивших в хранилище карат и даже их предварительная стоимость. Правда, с той лишь разницей, что количество карат, а стало быть, и количество алмазов было значительно больше, чем приводилось в сопроводительных документах. За эту «мелочь» приходилось расплачиваться многими нолями в долларах со всеми, от кого зависела судьба сопроводительных документов: с ревизорами, контролерами, чиновниками из Счетной палаты. Но щедрость вполне оправдывала затраченные усилия – установленный канал

работал без перебоя уже четвертый год. И вот, кажется, наступал момент, когда его следовало прикрыть и забрать все то, что находится в хранилище, вплоть до самого последнего камня.

Только с большим начальным капиталом Курганов может претендовать на достойное место в алмазном бизнесе, а плестись в хвосте он как-то не привык.

Федор Тимофеев был одним из его доверенных людей. Впрочем, хорошие деньги тот получал не только за свой профессионализм, как главный консультант, но еще и за молчание.

– Так о чем мы там? – хмуро поинтересовался Курганов.

– Какой из алмазов вы хотите оставить себе? – просто спросил Федор Юрьевич, уже знакомый со вкусом генерального директора (он нисколько не сомневался в том, что его выбор упадет на янтарный камень).

– А сам бы ты что мне предложил?

– Я бы предложил вам взять желтый алмаз.

– Почему? – отчего-то недоверчиво спросил Андрей Макарович, видно находясь под впечатлением неприятного разговора.

– У него очень яркий и насыщенный цвет. А потом сейчас спрос именно на такие цветные камни. Цена на них с годами будет только расти.

– А почему все-таки не черные? Особенно тот... Он ведь крупный!

– Можно, конечно, и черные... Но тенденция сейчас такова, что в ближайшие три года черные алмазы на мировом рынке будут не в моде. И цена на них окажется не столь высокой.

Андрей Макарович усмехнулся:

– Так ведь их можно и попридержать где-нибудь в хранилище. А там, глядишь, годика через три продать с большой пользой. Это ведь не кусок колбасы, который может испортиться.

– Все, конечно, так... – слабо улыбнулся Федор Юрьевич. – Я только высказал свое мнение.

– Сделаем вот что... Я беру все три камня!

Федор Тимофеев чуть нахмурился – подобное решение шло вразрез с установленными правилами. Разумеется, у генерального директора всегда был неплохой аппетит и отменный вкус, он прекрасно разбирался в алмазах, знал их настоящую цену, при этом всегда умел делиться и прекрасно знал границу, за которой начиналась откровенная жадность. Но в этот раз такое решение выглядело перебором. А потом, ведь это не просто какие-то три банальных в полкарата камушка, которые можно купить едва ли не в любой ювелирной лавке, на сей раз перед ним на столе лежали уникальные алмазы, каждый из которых встречался один раз в десять лет. А то, что их выделили из кимберлитовой породы с разницей всего лишь в несколько часов, само по себе можно назвать невиданным случаем. А кроме того, каждый камень, как и было положено по инструкции, был записан в реестры редчайших алмазов. Скрыть такую значительную пропажу просто невозможно! Для чего тогда вся эта опись? Как же он собирается выкрутиться? Ведь не станет же Курганов объяснять, что уникальные алмазы просто закатились под кровать! Или он решил на прощание громко хлопнуть дверью?

– Я бы вам посоветовал взять один... Сами понимаете, скрыть пропажу невозможно. Алмаз значится в книге учета, данные о самых крупных алмазах всегда дублируются и отправляются в центр. Если пропадет один, то можно что-то придумать, как-то отговориться. Например, сказать, что в нем было множество дефектов, и мы просто распилили его на части. Но что мы скажем сразу по трем крупным алмазам?

– Мы скажем то же самое, – хмуро отозвался Курганов.

– Не уверен, что это выйдет.

– Не переживай, пройдет и в этот раз.

Тимофеев решил не сдаваться и отрицательно покачал головой:

– Боюсь, это будет выглядеть неубедительно... А потом, и подозрительно!

Глаза генерального неожиданно налились злостью:

– Ты меня плохо понял? Мне нужно три камня! Я сам с ними разберусь!

Федор Юрьевич пожал плечами и отвел взгляд в сторону:

– Если вы так считаете... Что мне сказать в цехе огранки?

– Скажешь вот что... Камни ты отдал мне. Дескать, генеральному они понадобились, чтобы продемонстрировать их в Москве. Нужна более точная консультация по огранке алмазов. А я им потом перезвоню и согласую все документы.

– Хорошо. Пусть так и будет.

– Хочу тебе сказать откровенно... Скорее всего, я здесь долго не задержусь. У меня немало недоброжелателей, желающих занять мое место... Чего ты так на меня смотришь? Место хлебное, ты согласен со мной? У меня есть кое-какие планы на будущее, я не собираюсь оставаться не у дел, в конце концов, я имею моральное право на часть всего этого.

– Разве я вам дал повод сомневаться в обратном?

– Слава богу, что нет. Иначе мы бы с тобой не разговаривали, – буркнул генеральный.

– Сколько у нас времени?

Немного задумавшись, Курганов произнес:

– Примерно полгода. За эти месяцы я должен подчистить все свои дела, чтобы не осталось никаких хвостов. Уходить со своего места с голой задницей я не намерен, не те нынче времена! Так что нужно найти человека, который мог бы прихлопнуть этот банк. Ты понимаешь, о чем я говорю? – строго посмотрел Курганов на Тимофеева.

За время совместной многолетней работы Тимофеев научился понимать шефа с полуслова. Порой он умел настолько тонко его чувствовать, что Курганову казалось, будто он озвучивает его собственные мысли. Пожалуй, что так тонко чувствовать своего хозяина способен только старый преданный кобель: он всегда знает, когда следует заглянуть хозяину в глаза, чтобы избежать заслуженной трепки, а когда нужно подставит мохнатую холку для дружеского поглаживания. Стремление угодить Курганову у Тимофеева было на уровне подсознания, и надо признать, что в своем желании быть нужным Федор Юрьевич ни разу не ошибся. И Курганов очень надеялся, что и в этот раз он будет понят.

– Вы имеете в виду, что нужно организовать ограбление банка?

Андрей Макарович хмыкнул:

– Именно так. У тебя есть для этой роли подходящий человек?

– Имеется, – после секундной паузы ответил Тимофеев. – Он специализировался на грабежах ювелирных лавок. Только мне известны пять эпизодов, но в действительности их намного больше.

– Никогда не думал, что у тебя такие интересные... приятели. Откуда он? Как ты с ним познакомился?

– Он родом отсюда, из Дружного. Мы выросли вместе, учились в одном классе. Он уехал, когда ему исполнилось пятнадцать. Родители у него погибли в экспедиции, и родная бабка забрала его куда-то под Москву. Знаю, что он учился в художественной академии, потом за какие-то дела его оттуда исключили. Не могу сказать точно, но кажется, он приноровился рисовать фальшивые деньги. Это дело каким-то образом удалось замять.

– Что ж, прибыльное дельце – рисовать фальшивые деньги... Если, конечно, не поймают. Как его зовут?

– Степан Шабанов.

– Значит, ты с ним связи не терял?

– Это не совсем так. Мы с ним в школе дружили, но как он уехал, связь была потеряна. Два месяца назад я пробил его через своих людей...

– А с чего это вдруг у тебя вспыхнул к нему такой интерес? – подозрительно спросил Курганов.

– Помните, три месяца назад вы меня отправляли в Кимберли? Мы хотели купить у них часть акций.

– Прекрасно помню.

– Обнаружились кое-какие интересные подробности. Его имя неожиданно всплыло при сделках с «Де Бирсом». На одном из карьеров он фигурировал как один из главных акционеров. Я сначала подумал, что это просто однофамилец. Мало ли чего бывает... Потом решил узнать об этом человеке побольше. Решил узнать о нем через наших людей в МВД. Удалось раздобыть его секретное досье. Из него выяснилось, что это действительно тот самый Степан Шабанов, друг детства.

– Для того чтобы ограбить банк, мало быть акционером алмазного карьера.

– Кроме того что он является акционером, так он еще грабит ювелирные магазины.

– Вот тебе на! Хобби, значит, такое... Твой друг многопланов.

– Это на него похоже. Причем он ни разу не был пойман, в МВД на него имеется только оперативная информация.

– Однако он ловок. Это говорит о классе. Мне интересно на него взглянуть. Ты сможешь заманить его сюда?

– Да, у меня появилась кое-какая идея.

– Вот и отлично. А уже там решим, как нам следует поступать. Кстати, как с тем курьером, что увел алмазы?

– Мы уже знаем, где он находится. Вопрос решим в самое ближайшее время.

– Надеюсь, подобное больше не повторится, – генеральный остановил тяжелый взгляд на Тимофееве. – Это зона твоей персональной ответственности, ты же у нас занимаешься курьерами.

Сглотнув подступивший к горлу комок, Федор Юрьевич ответил:

– Сделаю так, что это для всех станет уроком.

Глава 2

Игра на интерес

Чего Степану Шабанову не хватало по-настоящему в Кейптауне, так это бильярда, к которому он пристрастился в последние годы. Отчего-то в ЮАР больше предпочитают крикет. Хотя если присмотреться к нему повнимательнее, так это всего лишь русская лапта в ее худшем варианте. А потому сразу по прибытии в Москву, приняв с дороги освежающий душ и переодевшись, Степан направился в «Бильярдный клуб» на Басманной улице, где был частным гостем и где многие завсегдатаи знали его по имени.

Странное дело, после прибытия самолета в аэропорт у него вдруг появилось чувство, что за ним пристально наблюдают. Несколько раз Шабанов даже ненароком оглядывался, но его встречали равнодушные взгляды пассажиров, занятых багажом и собственными думами. Чувство беспокойства усилилось, когда он перешагнул порог «Бильярдного клуба». Оставалось лишь удивляться, откуда оно взялось. За прошедшие полгода, что он не появлялся в клубе, здесь как будто бы ничего не изменилось: прежние партнеры, с которыми он не однажды разбивал «американку», встретили его весьма радушно; обслуживающий персонал, как всегда, был подчеркнуто любезен. И между тем что-то неуловимо переменялось. А может, все дело в новых людях, пришедших поиграть в бильярд, порой нередко одним лишь своим присутствием они способны внести в спокойную атмосферу нервозность.

Не исключено, что дело бы в двух блатных, которых Шабанов распознал по «перстням» на пальцах, посматривающих в его сторону с неприязнью, с одним из них Шабанов даже сыграл партию, выиграв пару тысяч. Так уж получается, что в любой другой стране мира бильярд собирает весьма состоятельных людей, умеющих провести красиво время, а здесь же, напротив, луза и шар притягивают «синюю» масть. Не искушая судьбу, Степан Шабанов хотел было покинуть заведение, но неожиданно к нему подошел сероглазый парень лет двадцати пяти и произнес:

– Я видел, как вы играете в бильярд. Впечатляюще! Вы где-то этому учились?

Шабанов всегда с настороженностью относился к случайным знакомствам, а бильярдная это совершенно не то место, где следует распахивать душу.

– Скорее любитель, чем профессионал, – ответил он сдержанно.

Молодой человек имел добродушный вид и располагающую внешность. Один из тех, кто заходит в «Бильярдный клуб», чтобы оставить излишек наличности на зеленом сукне. Люди такого типа ему всегда импонировали.

– Но тогда очень крепкий.

Пожав плечами, Степан проговорил:

– Это уже не мне судить.

– А вы не сыграете со мной партию?

– В бильярд обычно играют на интерес, в противном случае пропадает острота поединка, – улыбнулся Шабанов.

– Я согласен, – ответил новый знакомый.

Под тяжеловатыми взглядами «синих», отошли за свободный стол. Установив пирамиду, Шабанов спросил:

– Желаете разбить?

– У меня нет опыта, может быть, вы?

– Договорились.

Установив биток в центр поля, Степан разбил пирамиду, искренне пожалев, что один из шаров едва не угодил в угловую лузу. Шары, разлетевшись во все стороны, представляли некоторую опасность, особенно неудачно расположился тот, что находился у средней лузы, –

при правильном ударе он мог сыграть, остается только рассчитывать, что новый знакомый не заметит явного форта.

– Теперь ваша очередь, надеюсь, что игровая судьба будет к вам более благосклонной, – улыбнулся Шабанов.

Взяв кий, молодой человек прошелся вокруг стола и, прицелившись к шару, стоявшему в самом центре, с силой ударил, слегка ковырнув кием сукно. Степан невольно поморщился. Следовало бы не ввязываться в игру (непонятно, почему он отказался от давнего принципа: играть лишь с умными и понимающими партнерами), предстоящую партию иначе как «избиение младенца» не назовешь. Шар, энергично пробежавшись по бильярдному столу, легко перемахнул через бортик и откатился к декоративному камину, стоявшему в самом углу.

Сделав несколько шагов, Шабанов поднял шар и невольно повернулся в сторону входной двери, распахнувшейся с сильным стуком. В комнату, громко топая ботинками, ворвались несколько спецназовцев с черными масками на лицах:

– Всем лежать! – заорал вбежавший первым, самый крупный из них, слегка качнув короткоствольным автоматом.

Просторное помещение тотчас стало тесным от вошедших людей. Мужчина в коричневом костюме, стоявший рядом, шарахнулся в сторону Шабанова, прижав его к стене.

– На живот сказано! – толкнул он одного из «синих», замешкавшихся в центре комнаты. – Руки за спину!

– Поаккуратнее, начальник, – процедил тот сквозь зубы и без особой спешки опустился на пол, сложив руки за спиной.

– А вам что, особое приглашение требуется? – обвел мужчина присутствующих взглядом. Стараясь не смотреть на направленные стволы, гости опустились на пол.

– Поживее! – торопил все тот же горластый спецназовец, явно упиваясь предоставленной ему властью.

Рядом с Шабановым опустился его партнер по бильярду, невероятно побледневший.

– Послушай, не знаю, как тебя зовут, спрячь вот это, – подтолкнул он к Шабанову небольшой пластиковый пакетик.

– Куда? – опешил Шабанов.

– За камин, – прошептал он. – Они не увидят. Я их сейчас отвлеку. – Шабанов хотел отказаться, но парень, приподнявшись, тотчас привлек к себе взгляды спецназовцев: – Можно я немного передвинусь?

– А что тебя не устраивает? Грязно, что ли? – хмыкнул здоровяк, сделав ленивый шаг в сторону парня. Оружие в его руках опасно колыхнулось. – Ложись здесь!

– А чего я должен чужие подошвы нюхать?

– У тебя голос прорезался? – хмыкнул детина.

– Просто элементарная гигиена, да вы бы сами понюхали!

Большая часть посетителей бильярдной лежала на полу, сложив руки за спиной, меньшая – несколько суетливо готовилась прилечь. Здоровяк выглядел вполне благодушным, неприятностей не предвидится, так что можно и поязвить.

– Лежи где сказали!

Степан Шабанов взял незаметно пластиковый мешочек и, спрятавшись за спиной топтавшегося дядьки лет пятидесяти пяти, вполголоса произносившего проклятия, незаметно просунул его между камином и стеной.

– Ты чего там шебуршишься? – услышал он над головой грозный голос. Шабанов невольно вжал голову в плечи.

– Не знаю куда лечь, – залепетал дядька. – Тут как-то все натоптано.

– Ничего, отстираешь, – заверил подошедший.

Дядька производил благоприятное впечатление; внешность вполне академическая: аккуратно стриженная борода, подправленные усики. Вокруг полно уважаемых заведений, начиная от департамента образования и заканчивая нотариальными конторами. Так что он мог оказаться профессором, решившим попить крепкого кофе в соседнем зале, и теперь наверняка ругает себя за неосмотрительность.

– Да-да, конечно, – поспешно согласился мужчина, подобрав подходящее место.

Степан Шабанов лежал смирно, сложив руки за спиной. Старался не привлекать к себе внимание. Рослый спецназовец прошелся между распластанными телами, как будто бы кого-то разыскивал, на некоторое время остановился подле «синих», рассматривая в профиль их сухие лица, а потом вдруг направился к сероглазому пареньку.

– Подними голову! – потребовал он.

– А в чем дело? – спросил тот.

– Встал! – приказал тот. – Быстро!

Сероглазый поднялся:

– Фамилия?

– Григорьев.

– Имя?

– Егор Павлович.

– Обыщи его! – обратился он к спецназовцу, стоявшему рядом.

Тот проворно постучал по карманам сероглазого и, обнаружив документы во внутреннем кармане пиджака, вытащил их и протянул верзиле.

– Вот!

Открыв документы, здоровяк пролистал их, после чего удовлетворенно протянул:

– Ага, все ясно. А кроме документов, есть что?

– Ничего больше.

– Ладно, разберемся. В машину его!

Парня, под присмотром двух спецназовцев, вывели из бильярдной. Чья же следующая очередь?

Подняли «синих». Те безропотно встали, видно, привыкшие к подобным вещам, восприняли внешний осмотр невозмутимо. Вяло назвали статьи, по которым отбывали срок, а потом столь же покорно, в сопровождении двух автоматчиков, вышли из клуба.

Послышались тяжелые шаги, а потом громоздкие ботинки остановились подле лица Шабанова.

– Поднимайся, – услышал он требовательный голос.

Шабанов встал, без удовольствия отметив, что тот был выше его на полголовы. А ведь он и сам немало роста!

– Фамилия, имя? – казенным голосом потребовал полицейский.

– Шабанов Степан Васильевич.

– Документы, – небрежно сказал и протянул тот ладонь.

– У меня нет с собой документов, – как можно спокойнее сообщил Степан.

– Нет, говоришь, это очень скверно. Документы полагается иметь при себе. Придется пробивать. Ты мне кого-то напоминаешь, вот только никак не могу вспомнить, кого именно. – Даже под маской было видно, как напряглось узкое чело полицейского. – Ладно, разберемся! Уводите его!

– Пошел! – проговорил спецназовец, стоявший рядом, и Шабанов, аккуратно обходя лежавших, направился к двери.

Один из сопровождавших открыл дверь автозака, дохнувшего какими-то застоялыми нечистотами. Степан устроился на свободном месте: напротив «синих», негромко переговаривавшихся и с откровенной неприязнью взиравших на вошедшего, рядом со своим бывшим

партнером по бильярду. Дверь, грохнув завибрировавшим металлом, захлопнулась, двигатель завелся, и машина, набирая скорость, поехала по улице.

– Послушай, что там было? Чего ты мне сунул? – негромко спросил Шабанов.

Сероглазый смотрел прямо перед собой, как если бы не слыша сказанных слов. «Синие» вдруг умолкли и с любопытством посматривали на Шабанова. Что-то здесь было не так. Не хочешь разговаривать, ну и ладно!

Минут через пятнадцать машина остановилась. Снаружи кто-то сильно ударил по кузову, затем раздался звук открываемого замка, и дверь со скрипом отворилась.

– Вот и воля! – проговорил один из «синих», ухватившись татуированной ладонью за косяк.

Внизу, дожидаясь прибывших, стояли шестеро полицейских во главе с молодым лейтенантом; два сержанта с автоматами, небрежно переброшенными через плечо, стояли поодаль.

– Какой почетный караул! Не ожидал! – оскалившись золотой фиксой, сказал блатной и спрыгнул с машины.

Следом так же расторопно соскочил с машины другой.

– А вам что, особое приглашение требуется? – строгим голосом выкрикнул молодой лейтенант.

– А ты их под ручки проводи, – отреагировал один из «синих». – Они это любят.

– Блатных в обезьянник! – неприязненно посмотрел лейтенант на «синих».

– А может, ты, начальник, сначала растолкуешь, за что? Мы порядок не нарушали, нецензурно не выражались.

– Тебе объяснят.

Блатных увели. Шабанов спустился следом, за ним – сероглазый.

– А этих куда? – спросил немолодой сержант с автоматом за плечами.

– Туда же, в общую!

– Там камера переполненная, может, в другую?

– Хорошо, отведи в другую, – смилостивился лейтенант, задержав взгляд на сероглазом.

Степана Шабанова с сероглазым провели по короткому коридору отделения, огороженного металлической дверью от дежурной части, и завели в небольшую камеру с тусклым освещением.

– Теперь это ваш дом, – уныло пошутил сержант и с грохотом захлопнул дверь.

Вместо стульев всего-то короткая скамейка, прикрученная к полу, даже вдвоем на ней будет тесновато. Впрочем, тут не до комфорта. Шабанов устроился на самом краю, обидно, что день заканчивался столь глупо, а ведь на вечер были определенные планы. Сероглазый устроился рядом. Шабанов лишь уныло посмотрел на парня – шевелить языком не было желания. Вот она, родная действительность. Встретила, стало быть, блудного сына! Что же им от него нужно, а может, чего-то пронюхали про Кимберли и решили прессануть по полной программе?

– Ты извини, что я тогда в автозаке молчал, – вдруг произнес сероглазый.

Шабанов повернулся:

– Тебя, кажется, Егором зовут?

– Да.

– Не напрягайся, Егор, я понимаю, не было настроения болтать, так в чем же проблема...

Все в порядке! Мне сейчас тоже не до разговоров.

– Я не о том, не хотел при «синих» говорить.

– А что тебе «синие»?

– Ну ты ведь о пакете спрашивал. Не хотел, чтобы они знали. И вообще я думаю, что всю эту кутерьму со спецназом из-за меня устроили. И «синих» в автозак посадили тоже не случайно.

– Ты много мнишь о себе, парень, даже не знаю, что тебе сказать. Что было в том пакете?

– Алмазы, – просто ответил сероглазый.

– Что?! – невольно вырвалось у Шабанова, подумавшего, что ослышался.

– Алмазы.

– Вот так штука! Откуда же они у тебя?

– Я курьер по транспортировке камушков. Точнее, один из них. Я сглупил, завернув в бильярдную. Нужно было валить как можно дальше от Москвы! А я думал там отсидеться. И вот оно как вышло... Покуражился!

– Не самый подходящий момент ты выбрал.

– Это уж точно.

– Что-то я не понял тебя, ты их присвоил, что ли?

– Да.

– А взял-то зачем? Думал, искать не будут?

Егор пожевал губы, думая о чем-то своем, потом негромко проговорил:

– Сложно сказать... Теперь сам не знаю. Наверное, просто соблазна не выдержал. Перевожу такие серьезные вещи, а мне ничего от этого не перепадает, сначала хотел немного себе отсыпать, чтобы никто не заметил, потом понял, что невозможно, пакеты запаяны, а на них еще и печати... Если заметят, так голову сразу открутят. Стал думать, как бы получше с ними слинять. И ничего лучшего не придумал, как просто взять и уйти с ними.

– Значит, ты алмазы перевозил, и никто тебя не сопровождал?

– Это не так, – отрицательно покачал головой сероглазый. – Со мной всегда был сопровождающий со стволом.

– И как же ты от него ушел?

– Мы зашли в кафешку перекусить, и пока он заказывал себе, я незаметно слинял. Целые сутки бродил по Москве, соображая, что делать. У меня ведь даже плана не было, просто поддался какому-то импульсу... Уверен, что меня в это время повсюду искали. Но куда я с этими алмазами пойду? Понял, что если я покажу кому-то камушки, так мне тотчас голову открутят. Потом в какой-то момент почувствовал что-то неладное, затылок стал чесаться, а потом вдруг понял, что меня начали пасти. Наверное, думали, что я не один действую, хотели вычислить тех, к кому я направлюсь. Я попытался уйти, пересаживался с одного транспорта на другой, думал, что сбежал от них... А потом в этот клуб зашел... Не выдержали у меня нервы, хотел как-то развлечься. А тут эти привалили!

– И куда же ты возил алмазы?

– В банк «Заречье», есть такой на окраине Москвы. О нем мало кто знает.

– Откуда же ты их привозил?

– В банк алмазы привозят из разных мест, но лично я привозил камни из Якутии, из города Дружный, там карьер есть такой «Дружба». Слышал о нем?

Степан Шабанов невольно хмыкнул:

– Доводилось.

– А сами алмазы принадлежат компании «Российские алмазы».

– Только что это ты вдруг со мной разоткровенничался? Ведь я же тебе никто!

– Не знаю, может, выговориться захотелось... А может, потому, что не выпустят меня отсюда, хочется хоть с кем-то поделиться. Мне известно, что служба безопасности действует всегда заодно с полицией, а та в контакте с уголовниками. Они меня просто придушат в камере, чтобы другим было неповадно, и все!

– А сам ты тоже из Якутии?

– Нет, я из Балашихи. Но домой мне не сунуться!

– И что, всякий раз тебе нужно летать в Якутию за алмазами?

– А чего ты удивляешься? – пожал плечами сероглазый. – Работа у меня такая. Привык. А потом, ведь мне за нее неплохо платили. Большую часть времени пропадаю в Якутии. Что-то вроде вахтового метода получается.

– А знаешь, я ведь сам из Якутии, – неожиданно для себя признался Шабанов.

– Вот как? – оживился сероглазый. – Интересно, и откуда же именно?

– Из Дружного.

– Хм, так не бывает... Ты меня проверяешь, что ли? – насутился парень.

– Чего мне тебя проверять, какой мне от тебя толк? Я там родился и жил до пятнадцати лет. Школа там стоит двухэтажная из красного кирпича. В ней я учился.

– Точно есть, – заулыбался сероглазый.

– А рядом с ней еще пивнушка, помню, стояла. Грязная такая...

– Была пивнушка, верно, только сейчас там ресторан находится. Небольшой и очень уютный.

– А людей из Дружного ты хорошо знаешь?

– Надеюсь, неплохо. Уж не первый год там работаю. А потом, и народу там не так уж и много. А что?

– А ты не знаешь такую Марианну?

– Марианну, – призадумался сероглазый. – Высокая такая, белокурая?

– Верно, высокая, – ответил Шабанов. Его голос неожиданно потеплел. – Волосы действительно светлые.

– Видная женщина. А кто она тебе?

– Учились в одном классе. Давно не видел, просто хотел узнать, как сложилась у нее судьба.

– Обыкновенно. От первого брака у нее дочка осталась, большая уже, лет тринадцати. Мужа завалило в карьере. В прошлом году вышла замуж за какого-то пилота. Тот собирался перевезти ее в Якутск. Уехали уже, наверное.

– Эта моя первая любовь.

– Неудивительно, – согласился сероглазый, – такая женщина не может не нравиться. Знаю, что к ней очень многие подкатывали. Но она дама строгих правил, никого к себе не подпускала.

– А как там с охраной алмазов сейчас? Помню, когда был пацаном, так мы только на карьере и околачивались. Веселое место было! Алмазы выковыривали из кусков породы. Столько их там было, не сосчитать! Кимберлит просто всюду валялся! Должного контроля никакого!

– Сейчас совсем другая история. К карьере не подойти, запретная зона. Кусок породы даже в кармане не пронесешь. Строго! Но в отвалах можно всегда отыскать небольшие алмазы. Местное население нередко там копается. Некоторым везет... Хотя, конечно же, имеются и лазейки, как-то умудряются алмазы воровать, и это не по одному камушку, а большими партиями. Не так давно сняли с самолета обыкновенного работягу, который пытался перевезти алмазов почти на тысячу каратов. Ведь нет прибора, который бы фиксировал алмазы в аэропорту. Не станешь же всех рентгеном просвечивать. И взяли его совершенно случайно, по чьей-то наводке, и таких историй много рассказывают! Я так думаю, где-то имеется сбой в охране, вот люди и пользуются. А потом, алмазы ведь находятся в разных местах: на пункте обогащения, на сортировке, в цехах конечной доводки, – принялся перечислять Егор. – И везде их нужно охранять! Что не так просто. Для умелого человека проникнуть в помещение не составит большого труда. – Его глаза засветились от азарта, – я даже знаю, как это сделать, у меня план имеется конкретный... Но просто так не расскажешь, – замкнулся он неожиданно, – тут на месте смотреть надо. – Тогда можно и миллион каратов загрести, вот только нужно подумать, что с ними дальше делать. Просто так через Якутию их не провезешь.

– Это уж точно.

– В моем плане это самое слабое место. Тайга и вечная мерзлота на тысячи километров вокруг, и никакого жилья! Обязательно вычислят. Даже в тюрьму не повезут, просто пристрелят на месте, а алмазы заберут. Если уж не полиция, так какие-нибудь охотники.

– Невеселую ты картину рисуешь.

– Какая есть... О пропавших алмазах узнают сразу. Их будет искать не только служба безопасности с полицией, но и бандиты.

– Фантазер, ты, парень, – усмехнулся Степан и задумался.

– Я не заставляю верить, – Егор почти обиделся. – А потом, какой мне от этого резон, сам подумай.

– Вот и я так же считаю... Как же ты все-таки думаешь отбрехаться, если тебя в самом деле ищут?

– Придумаю что-нибудь. Главное, они при мне алмазов не нашли...

– Так ведь могут найти. В полиции тоже ведь не дураки служат.

– Тебя ведь раньше отпустят, уверен, ты здесь потому, что со мной в бильярд играл, а когда они разберутся, что ты ни при чем, так сразу и выпустят. Мне же здесь еще долго куковать.

– Так что ты хочешь?

– Я про тот мешочек, с алмазами. Просьба у меня... Ты можешь взять себе половину, а вот вторую нужно отвезти в Балашиху. Сумеешь? Даже то, что там останется, тебе надолго хватит.

– А с чего ты взял, что я не возьму себе все? Ведь мы же с тобой, может быть, в первый и в последний раз встретились.

– Если ты задал такой вопрос, то уже не возьмешь.

– Хм, а ты психолог.

– Не знаю, – губы парня едва заметно дрогнули, – скорее интуиция.

– Называй адрес.

– Балашиха, Овражная, восемь. Это частный дом. Хозяйка дома – девушка, зовут Настя. Век буду тебе благодарен! Она сумеет камешками распорядиться. Сейчас ей деньги нужны.

– Попробую, – без охоты отозвался Степан. – Хотя вешаешь ты на меня немало. С твоими делами самому погореть можно.

Дверь неожиданно открылась, тяжело громыхнув металлом. В проем заглянул крепенький коренастый полицейский в помятой форме.

– Григорьев! – выкрикнул он громко. – На выход!

Поднявшись, сероглазый нерешительно зашагал к двери.

– Тебя поторопить? – помахал он наручниками, висевшими у пояса.

– Сам уж как-нибудь, – глухо отозвался сероглазый.

Шабанов попытался ободряюще улыбнуться, поймав его прощальный взгляд. Дверь с глазком захлопнулась, оборвав установившуюся невидимую связь. До самого вечера Шабанов провел в камере один, только ближе к полуночи ему втолкнули двух пьяных мужичков: один долговязый, в очках, в черном костюме и пестром широком галстуке, тугим узлом стягивающим тощую шею; другой – с побитым лицом, нелюдимый; устроившись в углу, он зло посматривал на соседей. Первый походил на доцента, перебравшего на банкете и оказавшегося в полицейском участке по недоразумению; у второго был вид дебошира, устроившего погром на веселой свадьбе (кто знает, может быть, так оно и было в действительности). Ночь Шабанов провел скверно, просыпаясь при каждом шорохе, отчего-то снился один и тот же кошмар: дебошир, помахивая ножичком, пытался добраться до его горла, а очкастый, презрев врожденную интеллигентность, держал его за ноги.

Однако все обошлось без кровопускания. Утро наступило с пронзительного крика в коридоре – кто-то отчаянно сопротивлялся, не желая шагать в камеру. Горластому следовало только посочувствовать. В следующую минуту дверь распахнулась настежь и все тот же сержант в помятой форме гаркнул:

– Шабанов! На выход!

Степан под завистливые взгляды сокамерников покинул камеру. Его проводили в кабинет, где сидел тот самый лейтенант, которого он видел вчера во дворе полицейского участка. Помнится, в некотором роде он был принимающей стороной.

– Жалобы есть? – неожиданно спросил лейтенант.

Шабанов невольно хмыкнул:

– Что вы! Я прекрасно провел досуг! Мне будет о чем вспомнить. А потом, смена обстановки всегда очень полезна. В камере со мной сидели милые интеллигентные люди, и мы прекрасно пообщались, где еще встретишь такую душевную компанию, как не в обезьяннике.

Лейтенант оставался серьезен:

– Вы первый, кто так тепло о нас отзывается... Надеюсь, вы говорите искренне. У нас, конечно же, не санаторий, но условия человеческие. Подпишите бумагу, что не имеете к нам претензий, и можете быть свободным.

– Почему такие странные вопросы? Это какие-то нововведения?

– Мы меняемся вместе с обществом... Нет, если вам, конечно, понравилось общество милых людей, тогда можете остаться, вас никто не станет выгонять. Не обещаю ресторанного меню, но с голоду тоже не дадим умереть.

– Я понял ваш юмор, – кивнул Шабанов. – Так где подписаться? – подвинул он к себе бумагу.

– Вот здесь, – охотно откликнулся лейтенант и показал указательным пальцем черту в конце плотно набранного текста.

Едва взглянув на написанное, Шабанов размашисто расписался.

– Все свободны. У меня к вам будет один вопрос.

– Задавайте.

– Вам ничего не говорил тот юноша, с которым вас сюда доставили?

– Ничего. А что, собственно, он должен был мне сообщить? Ведь я его едва знаю.

– Тоже верно, – задумчиво протянул лейтенант.

– А что?

– Дело в том, что он сегодня умер.

– Что значит умер? – невольно ахнул Степан.

– Обыкновенно умер, как умирают все люди, – лейтенант цепким взглядом уставился на собеседника. – Ему стало плохо, и он умер.

– Но он же был совсем молодой!

– А вы думаете, молодые не умирают? Это называется внезапная смерть, она случается с людьми в любом возрасте. Что ж, можете идти, мы вас больше не задерживаем.

Степан вышел из кабинета в скверном настроении. Вроде бы расстраиваться особых причин не было, он едва знал этого сероглазого парня, однако к горлу так приперло, что хоть вой! С чего бы это?

По коридору, стуча тяжелыми каблуками, протопали двое полицейских, заставив встречающих потесниться. Вместе с остальными Шабанов поспешно прижался к стене, давая простор энергично размахивавшим полицейским, и, посмотрев им вслед, зашагал дальше. Сделал еще одну вынужденную остановку, когда выходил наружу, – прямо на него в сопровождении двух сержантов, со стянутыми за спиной руками, опутив буйную непокорную голову, протопал крепенький мужичок. Зыркнув на Шабанова недобрым взглядом, он вновь уставился в пол. Отчего-то думалось, что тот задержится в стенах полиции надолго.

Во дворе стояла машина «Скорой помощи», из нее расторопно, подхватив узкие складные носилки, выскочили два розовощеких жизнерадостных медбрата. Ни на кого не глядя, они вошли в полицейский участок. Степан отошел в сторонку, решив посмотреть, что будет дальше. Ждать пришлось недолго, едва-то сигарету прикурил, как санитары вышли с носилками, на которых лежало тело, укрытое несвежей простыней. Из-под нее выглядывали остроносые ботинки, принадлежавшие сероглазому. Привычно задвинули носилки вовнутрь кареты, и, взобравшись в машину, они устроились по обе стороны от неподвижного тела на скамейках, будто бы в почетном карауле. Машина «Скорой помощи» плавно выехала со двора полицейского участка.

«Вот так оно и случается... – выдохнул Степан. – Кто бы мог подумать!».

Он вышел на улицу и посмотрел на часы – без пятнадцати девять, – самое время заняться делами. Поймав такси, спросил:

– Командир, на Басманную подкинешь?

– Куда именно? – лениво поинтересовался таксист, смерив потенциального пассажира оценивающим взглядом. У Шабанова невольно возникло ощущение, что его взор бессовестно ощупывает его карманы. Точно такие же взгляды он наблюдал у проституток на улице Кейптауна. Водители и путаны весьма хорошие психологи с отменным чувством на опасность и тугой кошелек. Видно, таксист признал в нем человека состоятельного, иначе чего тогда лепить любезность? – Улица большая.

– «Бильярдный клуб» знаешь?

– Знаю... Только сейчас продираться через центр трудно, кругом пробки, – как-то неуверенно протянул он.

Шабанов даже не удивился собственной проницательности: «Началось!»

– Не обижу, заплачу как следует, командир! – Шабанов по-хозяйски устроился на переднем кресле. – За полчаса доедешь?

– Постараюсь.

Не то они были безгрешны, не то половина автолюбителей загнала свои машины на автостоянки, но дорога вопреки прогнозам была наполовину пустой, едва ли не на каждом перекрестке им радушно подмигивал зеленый свет, так что до «Бильярдного клуба» Степан добрался раньше запланированного времени. Щедро расплатившись с водителем, он сказал:

– Побудь здесь немного, скоро буду. Мне еще в одно место сгонять нужно.

– А куда едем? – заинтересованно спросил таксист, сунув деньги в карман.

– В Балашиху.

Рябое простоватое лицо таксиста стало одухотворенным. Калькулятор в голове усиленно заработал – при некоторых обстоятельствах простой таксист может дать сто очков форы любому доктору физико-математических наук. Сейчас был тот самый случай.

– Договорились, – едва улыбнулся водитель, видимо подсчитав возможную прибыль.

Выбравшись из салона, Шабанов направился в «Бильярдный клуб». Он был открыт и манил в свои недра немногих прохожих через большие широкие окна затемненным зеленоватым светом. Открыв дверь, Степан уверенно прошел в зал. За бильярдным столом двое молодых мужчин вяло катали шары (очевидно, в ожидании «жирного» клиента, с которым можно было бы сыграть на интерес). Заметив вошедшего Шабанова, почти одновременно до хруста в позвонках развернули свои шеи, но, узнав в нем одного из завсегдатаев заведения, с разочарованным видом отвернулись.

Пол в зале был тщательно подметен – ничто не свидетельствовало о том, что еще вчера вечером здесь протопала пара десятков казенных ботинок, – лишь в самом углу Степан увидел мелочь, видно оброненную недавно. Уверенно подошел к искусственному камину и, сделав вид, что пытается затянуть шнурок на ботинке, наклонился. Пакетик лежал на прежнем месте, именно там, куда он его засунул, виднелся лишь полиэтиленовый уголок. «Интересно,

что подумали бы эти два хмыря, поджидающие денежных клиентов, если бы узнали, что у них под ногами лежат алмазы стоимостью в сто тысяч долларов?» – Губы растянулись в злорадной усмешке.

Сунув в щель два пальца, Шабанов без особого труда извлек пластиковый шуршащий мешочек и быстро сунул его в карман. Кажется, никто ничего не заметил: парни продолжали лупить киями по белым шарам, нелестно и громко отзываясь о каком-то своем прижимистом приятеле. Ничего не попишешь, у каждого свои проблемы. Степан распрямылся. Следовало немедленно уходить, навсегда распрощавшись с негостеприимным заведением, но камешки, что прожигали ткань его куртки, требовали к себе почтения, так и толкали в глубину бильярдной, где бы он мог насладиться их радужным сиянием. Немного помешкав, Шабанов направился в туалет, где никто не помешал бы ему в полной мере оценить приобретение. Открыв дверь, Степан прошел вовнутрь уборной, благоухавшей, как розарий во время цветения, и вытащил мешочек. Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату вошли парни, игравшие в бильярд.

– Послушай, как там тебя, – развязно произнес один из вошедших: длинный, с угловатыми ссутулившимися плечами и вытянутой головой, с отвисшей лошадиной челюстью с брезгливыми пухлыми губами (Шабанов тотчас окрестил его Орангутангом), – ты что там подобрал в зале? Похвастай!

– О чем вы? – попытался сыграть под простака Степан.

– Ты думаешь, что мы ничего не видели? – раздвинул он губы, показав желтоватые оскольчатые зубы. – Нам тоже интересно глянуть! Наркоту, что ли, припрятал, когда менты вломились? Если так, давай ширнемся. Или, может быть, золотишко? Тоже делиться надо! – потребовал он, придвинувшись еще на два коротеньких шажка.

Подпускать Орангутанга ближе было опасно. В правой руке, что он держал в кармане, могла прятаться заточка. Следовало усыпить его бдительность показным добродушием, убаюкать смешком, притвориться лохом, глупцом (кем угодно!), но выйти из сортира неполоманным и живым.

Его приятель с короткими волосами, через которые пробивалась ранняя плешь, плотоядно заулыбался, предвкушая потеху. Типичный образчик люмпена, где все ценности сводятся к трем нехитрым вещам: бухнуть, пожрать, да вот еще с девками переспать. И одежда тут играет далеко не определяющую роль – некоторые из них порой носят костюмы от Версаче. Такие люди всегда на стороне сильного, и неважно, где разыгрывается сцена: в тесной переполненной тюремной хате или в зале думского собрания. Своими повадками они напоминают рыбу-лоцман, что жметя к брюху акулы, довольствуясь ошметками царской трапезы. Нередко именно они наносят первый удар в желании заполучить благосклонность покровителя. Вполне предсказуемый типаж.

Степан обезоруживающе улыбнулся. Нашупав в кармане связку ключей, он сжал ее в кулак, выставив вперед заостренный конец.

– Тут ювелирка, сам взгляни! – сказал он смеясь и выставил вперед руку. – Никогда такого не видел!

Плешивый, влекомый любопытством, потянулся всем телом к руке, и Шабанов, подавшись корпусом, ударил его сбоку в лицо и почувствовал, как острый ключ, пробив щеку и раздробив зубы, ушел в глубину рта. Плешивый отпрянул назад, громко взвыл, зажимая ладонями брызнувшую кровь. А Степан, развернувшись к Орангутангу, врезал ему ногой в грудь. Взмахнув нелепо руками, тот повалился спиной, крепко ударившись затылком о край умывальника.

Толкнув дверь, Степан быстрым шагом вышел в коридор, миновал растерянных официанток, стоявших с открытыми ртами, и направился к выходу.

– Чалый! Гаси его! – раздался за спиной крик Орангутанга.

Повернувшись, Шабанов увидел, как прямо на него, помахивая руками, двинулся коротко стриженный, плотный, широкий в кости парень.

– Стоять! – истошно заорал Степан, сунув руку в карман. – У меня дура! Разнесу череп в два счета!

Коротко стриженный приостановился и опасно посмотрел на руку Шабанова, юркнувшую в карман. Отступая боком к двери, Степан увидел, как исказилось от страха лицо стриженного, теперь он точно знал, что тот не ступит и шагу, но все-таки продолжал держать его под прицелом цепких глаз; спокойно открыл дверь и быстрым шагом направился к машине. Через стекло Шабанов видел, как водитель беспечно сидел на своем месте и с величайшим интересом полистывал какой-то иллюстрированный журнал.

– Гони! – плюхнувшись в кресло, произнес Шабанов.

– Что случилось? – невольно покосился водитель на пассажира.

– Гони, я тебя сказал!

Из бильярдной, размахивая руками и что-то громко выкрикивая, выскочил Орангутанг, следом, зажимая рукой пробитую щеку, двинулся лысоватый.

– Послушай, парень, ты меня в свои дела не впрягай! – запротестовал водитель, отшвырнув журнал. – Вылезай из машины! Мне тут еще работать!

– Поезжай, если не хочешь, чтобы тебе голову свернули!

– Вот навязался на мою шею! – в сердцах воскликнул водила. Надавив на педаль газа, он проворно выкатил машину на проспект, оставив позади преследователей. – Кто это был?

– А хрен его знает, – с облегчением отозвался Степан, обернувшись, – не успел войти, а на меня с ножом. Может, под горячую руку попал, а может, обознались, не разберешь!

– А тот, с окровавленной рожей, – расслабляясь, заулыбался водитель, – здорово ты его приласкал. Ну ты меня подставил, братан! Меня, часом, не загребнут?

– Не переживай, все будет в порядке.

– Братан, за это ты мне доплатишь!

Шабанов хмыкнул:

– Не волнуйся, компенсирую.

Доехали до Балашихи и, скоренько миновав центр, покатали в сторону водоема, на берегу которого раскинулся небольшой коттеджный поселок.

– Какой дом, говоришь? – спросил водила, посматривая по сторонам.

– Восьмой.

– А вот и он, – шофер подрулил к трехметровому каменному забору, за которым просматривалась черепичная красная крыша. – Обратишь тебя забрать?

– Да, я недолго.

– Ты вот только сразу скажи мне, к чему нужно готовиться? За тобой мужики с дрынами не погонятся?

– Нет, – ответил Степан, распахивая дверь. – Все будет по-тихому.

Шабанов отошел от машины на значительное расстояние и, спрятавшись за деревьями, обернулся. Водитель вернулся к своему любимому занятию – взял с сиденья понравившийся журнал и принялся разглядывать обнаженных теток. Вытащив из кармана пакетик с алмазами, Шабанов высыпал их в согнутую ладонь. В «Бильярдном клубе» у Степана не было возможности рассмотреть их пообстоятельнее, и вот теперь, позабыв об осторожности, он с улыбкой любовался их завораживающим блеском. Извлек из кармана куртки коробок и, вытряхнув на траву спички, ссыпал в него из пакетика половину алмазов.

Еще сегодня утром Степан Шабанов не собирался передавать камушки (чего только не наобещаешь, когда находишься в стенах камеры), но, узнав про неожиданную кончину сероглазого, решил исполнить его просьбу. Теперь ее следовало расценивать как последнюю волю, а она всегда священная. «Как же он ее назвал? – наморщил лоб Шабанов. – Кажется, Настя».

Степан подошел к калитке и нажал на кнопку звонка. Некоторое время было тихо, потом откуда-то сверху, усиленный динамиком, прозвучал женский голос:

- Я вас слушаю.
- Мне нужно к Насте.
- Говорите, я Настя.
- Я от Егора... Он просил кое-что передать вам.

Установившаяся тишина показалась вечностью, в какой-то момент Степану захотелось развернуться и потопать прочь. Нет ничего приятного в том, чтобы стоять под окулярами камер – чувствуешь себя не иначе как блошью под микроскопом. Еще один короткий вздох, усиленный динамиками, и Шабанов услышал не очень любезное приглашение:

- Проходите. Я сейчас выйду.

Дверь медленно отошла от косяка, предоставляя возможность пройти во двор, выложенный темно-желтой песчаной плиткой. На высокий порог вышла миловидная девушка лет двадцати двух.

- Где вы видели Егора?
- В «Бильярдном клубе», играли партию... Не знаю, что там произошло, но потом подъехала полиция и всех, кто там был, доставили в участок. Вы о нем ничего не знаете?
- Я о нем уже знаю все, – безучастно проговорила девушка.

Шабанов почувствовал облегчение. Самое трудное осталось позади, надобность в объяснениях отпала. Да и на роль утешителя он тоже не подходил, тем более едва знал этого парня.

- Мне очень жаль... Кто бы мог подумать, что так оно выйдет...
- Что вы хотели передать?
- Вот это, – протянул Шабанов пакетик с алмазами. – Так решил Егор.
- Что это? – удивилась девушка.
- Вы это сами поймете, только будьте аккуратнее. Не просыпьте.
- А на словах... он ничего не просил мне передать?
- Ничего, – ответил Шабанов, почувствовав облегчение.

Попрощавшись, Степан вышел со двора и скорым шагом направился к припаркованной машине. Водитель, наученный недавним опытом, оставался настороже и, заметив приближающегося пассажира, любезно распахнул дверцу.

- Обошлось без мордобоя?
- Как видишь.
- Теперь куда?
- Билеты на самолет надо купить. Знаешь, где тут поблизости касса?
- А чего не знать-то? Отсюда пять минут ехать.
- Давай туда!

– Ну ты хитер, – настроение водителя увеличивалось прямо пропорционально полученным деньгам. Теперь он выглядел почти счастливым. – Значит, морду набил кому надо и решил свалить, пока вся эта каша не уляжется?

- Можно сказать, что так.
- И правильно! Нужно ставить все этих уродов на место.

Подъехали к кассам «Аэрофлота». Впереди три окошечка и всего лишь один потенциальный пассажир в лоснящихся джинсах, он так долго препирался с кассиршей, что невольно возникало впечатление, что он с ней торгуется. Видно, не убедив продать билет подешевле, мужчина с кислым выражением лица отошел.

– Девушка, мне, пожалуйста, один билет до Дружного, – попросил Шабанов и протянул документы.

Кассирша с интересом взглянула на Степана, как если бы тот запросил билеты на Луну. Видно, в якутские края не так часто летают. Оно и понятно, все-таки не Сочи!

– Когда вы думаете лететь?

– Давайте на послезавтра.

Купив билет, Шабанов вернулся к таксисту.

– Значит, скоро улетаешь, – спросил он, когда пассажир удобно разместился в кресле.

День для него складывался удачно, и он был явно настроен поговорить.

– Да, скоро, – сдержанно ответил Степан, не желая распространяться о сроках вылета.

– Жизнь у тебя не простая, приятель.

– Как-то по-разному складывается, – не стал разубеждать водителя Степан.

– Я вот что подумал, если я тебе понадобится, так ты звони по этому телефону, – протянул он визитку. – Встретить, к примеру, или подвезти куда-нибудь.

– Договорились, – не стал отказываться Шабанов, забирая визитку. Кто знает, как оно может сложиться.

– А если тебе понадобятся какие-то конкретные ребята для каких-то своих дел... Так ты тоже звони! У меня два свояка здоровущие ребята, без дела маются. Так что рады будут копейку какую-то заработать.

– Позвоню, – пообещал Шабанов.

– Вот и славно! – ответил довольный водила.

* * *

Приоткрыв занавеску, Настя посмотрела вслед удаляющемуся мужчине, скорым шагом направлявшемуся к старенькой желтой «Ладе» с «шашечками» на дверях. Когда машина отъехала, девушка открыла пакетик и высыпала на ладонь содержимое.

– Боже мой, какая красота!

Это были алмазы. Каждый их них не менее одного карата. Некоторое время она размышляла, как поступить со свалившимися на нее сокровищами – ее жизнь могла резко поменяться. Вот только нужны ли ей перемены?

Преодолев соблазн, она взяла трубку телефона и набрала номер:

– Федор?

– Да, это я, Настя. Говори.

– Он пришел.

– Вот как, – голос показался слегка удивленным. – Получилось даже быстрее, чем мы предполагали. Ты молодец, справилась.

– В этом нет никакой моей заслуги. Я просто открыла ему дверь.

– Но ты повела себя очень правильно. Он мог бы насторожиться. А так поверил.

– А еще он принес небольшой пакетик... Вы понимаете, о чем я говорю?

– Еще как понимаю, Настенька! Сделаем вот что, ты эту посылочку никому не показывай.

Придет мой человек и заберет ее у тебя. Договорились?

– Хорошо. Я буду ждать.

– С тобой все в порядке?

– Да. Все хорошо. А что?

– У тебя голос какой-то взволнованный.

– У меня просто испортилось настроение.

– Я тебя понимаю.

В трубке раздались короткие гудки. Настя вновь взяла пластиковый пакет. Алмазы сверкали, манили к себе, требовали близости. И наконец Настя сдалась, открыв пакетик, она вытаскивала из него четыре самых крупных алмаза и положила в шкатулку. Их тут так много, что вряд ли кто-нибудь пересчитывал камушки.

Глава 3

Неучтенные алмазы

Перевернув обложку отчета, Курганов жадно вчитывался в текст. Приятно было осознавать, что в этом году был преодолен исторический рубеж: впервые по добыче алмазов российская компания обогнала международную корпорацию «Де Бирс». И если в ЮАР концерн продолжал закрывать свои шахты, то в России, наоборот, все более разворачивалась добыча алмазов: только за последние полгода было обнаружено три перспективных кимберлитовые трубки. В минувшем году количество добытых алмазов приближалось к тридцати двум миллионам каратов, а следующий год будет особенно урожайным в связи с тем, что ввели в эксплуатацию еще три карьера близ Дружного. Запасы в нем не уступали знаменитому карьере в Мирном. А вот два карьера на юге придется закрыть, они становились нерентабельными из-за своей большой глубины, хотя по-прежнему продолжали выдавать алмазы.

Все-таки он пока оставался генеральным директором, и порадоваться было чему.

Прервавший размышления звонок оказался невероятно громким. На столе у Андрея Макаровича, выстроившись в тесный ряд, стояли пять аппаратов различных цветов: черный по прямой линии соединял с губернатором; второй был местным, проходил через коммутатор, отсекая нежелательные контакты; третий телефон общего назначения с выходом на зарубежную линию; четвертый соединял с министерством, а вот пятый, бордового цвета, – напрямую с приемной президента. Кроме того, имелась еще парочка мобильных телефонов, номер первого знал лишь очень ограниченный круг людей, а другой предназначался для семьи. И вот сейчас заливисто надрывался именно пятый телефон бордового цвета. Личный опыт показывал, что от предстоящего звонка стоило ждать только неприятностей. Даже если ежегодно выкладывать «на гора» по пятьдесят миллионов каратов, так все равно обязательно отыщутся какие-нибудь недовольные, которые будут кричать – мало! Поднимать трубку не хотелось – верный способ испортить себе настроение на ближайшие сутки, но практика показывала, что в следующий момент зазвонит его мобильный телефон, и он будет вынужден выслушивать сентенции. Так что пренебрегать звонком не стоило.

Сделав над собой усилие, Андрей Макарович взял трубку и как можно ровнее произнес:

– Слушаю.

– У меня тут такое дело... До меня вдруг стали доходить кое-какие неприятные слухи.

– О чем это вы?

– Слышал, что вас хотят перевести на новое место.

– Эти слухи идут с того самого дня, как я занял эту должность, – уверенным тоном ответил Курганов.

– Значит, с поставками все в порядке?

– В полном! – заверил генеральный директор, почувствовав, как неприятно пробежал по плечам озноб.

– И наши договоренности остаются в силе? А то, знаете ли, у меня имеются некоторые планы...

– Разумеется! – как можно бодрее отозвался Курганов.

– Вот и славно.

В трубке тотчас раздались короткие гудки. Андрей Макарович с облегчением положил трубку на рычаг, принявшую ее с легким щелчком.

* * *

Федор Тимофеев включил компьютер и вошел в электронную почту. Его ожидали два сообщения. Первое пришло от девушки, с которой он познакомился в Арабских Эмиратах, где прекрасно провел с ней время. Едва ли не ежедневно бедняжка забрасывала его письмами, надеясь на взаимность, но ни о каком продолжении отношений не могло быть и речи. И вообще Федор Юрьевич очень пожалел, что оставил ей свой адрес. В следующий раз придется действовать более осмотрительно.

Второе письмо было деловое, короткое: «Все получилось как и планировалось». И здесь же была прикреплена фотография Степана Шабанова, выходящего из полицейского участка. За прошедшие годы тот очень изменился, заматерел. Превратился в крепкого мужика, от которого веяло недюжинной силой. Плечи его раздались, грудь выпрямилась, он превратился в настоящего атлета. От прежнего угловатого подростка остался разве что вихор, непокорно торчавший надо лбом. Следовало предположить, что столь же кардинально Степа поменялся и внутренне.

Распечатав фотографию, Федор Юрьевич вышел из кабинета и заторопился к начальнику службы безопасности Глебу Абрамову. Тот, сидя в своем большом кожаном кресле, встретил его скупой приветливой улыбкой, вот только в глазах привычная настороженность. Он был не из тех людей, что бросаются на грудь от восторга чувств: холодным, сдержанным, умевшим даже при самых неблагоприятных обстоятельствах контролировать ситуацию.

Положив на стол Абрамову снимок, Федор Тимофеев сказал:

– Скоро этот человек должен появиться у нас в городе. Не удивлюсь, если он появится под другой фамилией...

– Что ему нужно у нас?

– Уверен, он будет рыскать вокруг карьера.

– Кто он? – поднял снимок Абрамов.

– Тот, кто умеет взламывать любые замки.

– Почему мне об этом ничего не известно? – в упор посмотрел начальник службы безопасности на Тимофеева.

– Хм... Этот вопрос не ко мне. Это вы должны спросить у своих людей. А у меня свои источники. Говорю вам потому, что все-таки мы работаем на одно дело.

– Хорошо. Встречу и прослежу, – пообещал начальник службы безопасности, положив фотографию в стол. – Я у вас хотел проконсультироваться по делу Феликса Крутского.

– Что там?

– Помните, он исчез с деньгами?

– Но ведь его обнаружили убитым, – удивился Тимофеев.

– Не совсем так, мы провели собственное расследование, по нашим данным, он жив и его следы уводят в Москву, к банку «Заречье».

– Вот как? Любопытно!

– Во всяком случае, там видели человека очень похожего на него. Мне нужно разрешение, чтобы как следует тряхнуть этого человека.

– Делать этого пока не следует, – строго наказал Тимофеев, – я сам попробую разобраться с ним по своим каналам.

* * *

Шабанов прибыл в Дружный без приключений. Не утомила даже дорога, не заметил, как пролетели восемь часов – разместившись в хвосте салона, он прекрасно выспался, так что был

весьма удивлен, когда, открыв глаза, обнаружил, что самолет идет на посадку, и через перистые облака просматривается пробуждающаяся темно-зеленая тайга. Еще через несколько минут шасси коснулись бетонной полосы, и лайнер, слегка подсакивая на мелких неровностях, покатился к стоянке.

Аэропорт изменился: вместо небольшого строения, похожего на зимовку полярника, теперь стояло длинное современное двухэтажное белое здание, отделанное снаружи современными морозоустойчивыми материалами. Удивляться не стоит, жизнь на месте не стоит, в том числе технологическая. Спустившись по трапу, Шабанов прошел вместе с остальными пассажирами в зал прилета. Попробовал отыскать в душе нечто похожее на ностальгию, но она не отозвалась, оставалась замороженной, будто кусок вечной мерзлоты, – от того места, которое Степан Шабанов знал с детства, ровным счетом ничего не осталось, вот разве что сопки, вплотную поступавшие к аэропорту, но они как-то не в счет, стояли здесь вечность, а, стало быть, и вспоминать-то особо нечего.

Вышел на стоянку, где к нему тотчас подошел таксист и, признав в нем человека приезжего, сказал:

– Могу до города подвезти.

– И сколько стоит это удовольствие? – буркнул Степан.

Водитель с непроницаемым лицом назвал астрономическую цену.

– А не много ли? – хмыкнул Шабанов.

– Такса!

– За такие деньги я могу половину России проехать, а ты меня только с аэропорта до города везешь.

– И сколько же ты дашь? – спросил таксист, посмотрев по сторонам. Пассажиры уже разбрелись по стоянке: кто-то пошел к автобусу, кого-то встречали на служебных или частных автомобилях, так что привередничать особо не приходилось.

– Умерь аппетит в два раза.

– Хорошо, – вздохнул водитель, – договорились. Куда именно везти? – спросил он, когда Шабанов разместился в кресле.

– Подбрось до какой-нибудь гостиницы попримечнее. «Полярное сияние» еще стоит? Вроде бы раньше была ничего.

Водитель с интересом посмотрел на клиента:

– Подброшу, – охотно отозвался он, – в самом центре города стоит «Якутия». А «Полярное сияние» уже лет десять как снесли. А ты что, бывал, что ли, здесь? – спросил водитель, выехав на дорогу, казавшуюся безжизненной, – по обе стороны лишь небольшие чахлые кустарники, пробивавшиеся реденько через размороженную раскисшую почву.

– Приходилось, – буркнул Степан, уставившись в окно.

Еще через полчаса Шабанов был на месте. Расплатившись с водителем, он подхватил нехитрый скарб – кожаный портфель с теплой курткой – и бодрым уверенным шагом направился в сторону гостиницы.

Дождавшись, когда за клиентом захлопнется дверь, водитель достал телефон и нажал кнопку.

– Что там у тебя? – раздался начальственный голос.

– Он прибыл.

– Ты уверен, что это он?

– Абсолютно! Точная копия фотографии.

– Хорошо. Запомни этого парня получше. Нам нужно за ним присмотреть.

– Уже запомнил.

– И возвращайся давай на службу. Тут у нас дел невпроворот!

* * *

После обычной планерки, которой начиналось едва ли не каждое утро, Тимофеев задержался. Курганов удивленно посмотрел на главного эксперта.

– Ты что-то хотел сообщить?

Подошла Варя, поставив на стол чашки с дымящимся кофе и вазочку с печеньем, незаметно удалилась. По кабинету тотчас распространился пряный аромат.

– Андрей Макарович, помните, мы с вами говорили о Шабанове? О моем однокласснике? – спросил Тимофеев. Напоминание было лишним, для Курганова не было мелочей, тем более если разговор касался алмазов.

Отхлебнув кофе, Андрей Макарович живо отозвался:

– Прекрасно помню. И что там?

– Он приехал? Вот его фотография, – положил он перед генеральным цветной снимок.

Курганов взял фотографию и, всмотревшись в нее, недобро хмыкнул:

– Значит, ты его все-таки вытащил?

– Да. Это было непросто. Пришлось подключить людей, чтобы он ни о чем не догадался.

– Я понимаю. – Вернув фотографию, спросил: – Ему действительно под силу провернуть такое дело?

– То, что я о нем узнал, говорит: он способен на многое. Умен, дерзок, просчитывает каждый свой шаг. И вместе с тем очень осторожен. Признаюсь, мы с Абрамовым стали даже опасаться за безопасность хранилища. Ведь не с лучшими намерениями он посещает Дружный через столько лет.

– Тоже верно. Так что будьте начеку!

– Я уже сказал Абрамову насколько все это серьезно. Он меня заверяет, что к хранилищу невозможно подступиться, но ведь у нас десятка три совместных предприятий, где гранят алмазы, и в каждый из них мы перевозим очень большие партии сырых алмазов. Поэтому Шабанову не составит большого труда организовать ограбление где-нибудь в дороге.

Андрей Макарович неприязненно поморщился, длинные пальцы выбили нервную дробь.

– Не нравится мне его интерес к нашим алмазам. Мне не нужны неприятности... Тем более сейчас, когда подо мной, того и гляди, рухнет кресло. Я должен успеть провернуть задуманное. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Да.

– Сделай так, чтобы он здесь не задержался. Подтолкни к банку «Заречье». Уверен, у тебя это получится, парень ты способный.

– Кажется, у меня есть идея, – едва улыбнулся Тимофеев.

– Вот и отлично! Держи меня в курсе дела! Ну а сейчас мне некогда, извини! – посмотрел Курганов на часы.

– У меня к вам есть одна небольшая просьба.

– Все, что угодно, сам знаешь...

– Просьба необычная, – замялся Тимофеев.

– Да говори ты, что там у тебя! Не мямли!

– Мне нужна Варя!

– Какая еще Варя?

– Ваша секретарша.

– Варя?.. Что значит нужна? – Андрей Макарович вытаращил глаза на эксперта. – Однако ты оригинал! Она мне тоже нужна.

– Если хотите, она нужна мне в качестве приманки, у меня есть определенный план, без нее осуществить его будет крайне трудно.

Генеральный директор вновь поднял чашку. Рука дрогнула, и коричневый напиток, пролившись, испачкал белоснежный манжет.

– Проклятье... – Поставив чашку на блюдечко, Курганов тщательно отер рукав салфеткой. – Все настолько серьезно?

– Более чем.

– Хорошо, я скажу ей... Завтра она поступит в твое распоряжение. А теперь убирайся к черту!

* * *

Вернувшись домой, Федор подошел к комоду, где лежала небольшая шкатулка из карельской березы, приоткрыл ее крышку. На самом дне в бархатной коробочке лежал красный необработанный алмаз величиной с крупную фасоль. В нем было не менее восьми карат. Камень невероятно прозрачный и редчайшего цвета. Пожалуй, такой на черном рынке стоил бы не менее трехсот тысяч долларов, а может быть, и дороже. Пользуясь правом консультанта и доверенного лица генерального директора, Тимофеев вынес из цеха конечной доводки красный алмаз, объяснив, что должен выставить его на ближайшей выставке алмазов в качестве образца. У самого выхода стояла охрана, которая, невзирая на чины и звания, обязана была осматривать каждого. Спрятав алмаз в нагрудный карман, Федор Юрьевич с независимым видом прошел мимо охраны. Возможно, обнаружив кражу, его просто выперли бы с производства, вручив на прощание «волчий билет». Но, скорее всего, посадили бы в назидание всем другим.

Теперь похищенный камень, ставший талисманом, находился у него в шкатулке, и всякий раз при принятии трудных решений он неизменно извлекал его и держал в руках, как если бы хотел получить от него подсказку. Возможно, это называется подпитывание энергией, психодуховная ткань или еще какая-нибудь метафизическая дрянь, в которую, несмотря на полнейшее безверие, все-таки хотелось верить. Но странно, его дела после подобной мистификации пошли самым лучшим образом.

Взяв камень, Тимофеев долго рассматривал его гладкую поверхность. Он много раз пытался отыскать в прозрачной глубине хоть какие-нибудь дефекты – крошечные пузырьки, трещинки или незначительное замутнение, но их просто не существовало. Камень был бы совершенен, если бы его идеальности не мешал раковистый излом на одной из граней, напоминающий формой скол разбитого стекла. Но у этого камня была трудная судьба, он пролежал в фундаменте сотни миллионов лет, прежде чем был выброшен на поверхность взрывом, слегка подпортившим его первозданную природную красоту. Хотя дело поправимое, достаточно при- дать ему подобающую огранку.

Камень был холоден, столь же холодна природа Якутии, породившая сверкающее чудо.

Интересно, что бы сказал генеральный, если бы однажды узнал о том, что его эксперт хранит у себя дома в простенькой деревянной шкатулке уникальный камень стоимостью в сотни тысяч долларов? Выгонит? Пожалуй, что сейчас уже нет. Слишком многое их теперь связывает.

Подняв трубку телефона, Тимофеев дождался суховатого ответа:

– Слушаю.

– Андрей Макарович, я уже все подготовил. Приступить?

– Ты мне вот что скажи, ты будешь привлекать Крутского?

– Да. Он часть моего плана. Уверен, что Шабанов на него непременно выйдет, я облегчу ему задачу и подброшу по нему кое-какую информацию.

На некоторое время в трубке установилось молчание, до предела натянувшее нервы. Курганов осмысливал сказанное. А что, если он решил пойти на попятную, оценив степень риска? Но уже в следующее мгновение прозвучал спокойный голос генерального:

– Это опасно.

- Да. Но другого выхода я не вижу.
  - Понятно. Он тебя услышит?
  - Шабанов человек обстоятельный. Он ничего не пропускает мимо ушей. Уверен, он потопаёт именно по этой дороге.
  - Хорошо. Надеюсь, что мы не ошиблись с расчетами.
- Тимофеев с облегчением положил трубку.

* * *

Шабанов подошел к самому краю карьера, где по серпантину, не уступавшему по ширине городским магистралям, двигались огромные, высотой с двухэтажный дом «БелАЗы», груженные грязно-зеленоватой кимберлитовой породой, из которой после тщательного обогащения будут выделены алмазы. Столько же карат может находиться с грузовике «БелАЗа»? Тысяча? А может быть, десять тысяч? Во всяком случае, этих денег вполне хватит на годы безбедной жизни.

С шестисотметровой высоты «БелАЗы» казались махонькими, да и двигались-то не очень расторопно. Но в действительности все обстояло как раз наоборот: зарплата водителей зависела от количества пройденных рейсов, а потому они ехали на предельно возможной скорости, какую может позволить себе на крутом серпантине крупнейший многотонный самосвал.

Степан был родом из Дружного, небольшого городка, расположенного на самом краю гигантского карьера. Ну чем не пуп земли! Хотя правильнее сказать, его незаживающий рубец. Вскрытые слои фундамента, колюче и неровно выпирающие на поверхности, больше напоминали набухшие вены, а воронки взрывов, с просачивающейся между слоями водой, выглядели кровоточащими ранами. Прогуливаться среди груд кимберлитовой породы, затевать среди гор отвалов какие-то свои мальчишеские игры было для них делом обыкновенным: так уж получилось, что они проживали рядом с месторождением алмазов. Порой некоторые куски пород, выпавшие из грузовика, вспыхивали на скудном якутском солнце лучистым ореолом, вот только игра в «казаки-разбойники» их занимала куда больше, чем выковыривание торчавших из породы алмазов, напоминавших куски разбитого стекла. Шабанов хмыкнул: «Сейчас об этом можно было только сожалеть. Глядишь, еще в детстве сколотил бы первоначальный капитал. Хотя вряд ли – скорее всего, выменял бы все сокровища на чупа-чупсы и жвачки».

В Дружном Степан прожил до пятнадцати лет, вполне счастливых, о чем мог бы мечтать каждый ребенок в его возрасте, до того самого времени, когда однажды не осиротел в одно слякотное якутское лето. Отец с матерью, работавшие геологами, разбились где-то над хребтом Черского, а его забрала к себе престарелая бабка, проживавшая в Подмосковье. Так что большую часть времени он был предоставлен самому себе, крепко сдружившись с непутевыми пацанами, каким впоследствии сделался и сам. Бесспорным лидером в их компании был Сашка Григорьев, с чалкой в три года за плечами. Он умел мастерски сплевывать слюну через выбитый зуб, был невероятным шутником и большим проказником, но кроме прочих достоинств, обладал еще одним талантом – играючи открывал замки любой сложности, чему вскорости научил и всю свою честную компанию. Так что время они не теряли и промышляли тем, что вскрывали пустующие квартиры, едва ли не ежедневно совершенствуя мастерство, вынося из них буквально все, что подвернется под руку.

Все баловство закончилось враз, когда им однажды удалось вскрыть небольшой каменный особнячок, стоявший на самой окраине города. Совсем неприметный с виду, с небольшим участком – таких в близлежащей округе можно было бы насчитать не одну сотню. В дом прошли как к себе домой, без особых усилий открыв по три замка на двух входных дверях. В больших комнатах, расположенных на первом этаже, лежали многочисленные коробки, да и вообще сам дом больше напоминал складское помещение, нежели жилище. Коробки не тро-

гали, слишком они были громоздкими, с такой поклажей далеко не уйдешь; покопавшись в шкафах, отыскали пачку долларов и, тут же ее поделив, с мальчишеским восторгом распихали по карманам.

Уже покидая дом, Санька заметил на комодке небольшую черно-белую невыразительную фотографию, стоявшую в рамке, на которой, обнявшись за плечи, стояли двое молодых мужчин, обнаженных по пояс. На ключицах одного из них, совсем небольшого росточка, но наверняка крепкого, были выколоты звезды. Даже в сумраке было видно, как его лицо побелело, приняв сероватый оттенок, а рот, еще минуту назад столь живой, с которого в любой момент могла слететь язвительная насмешка или острая шутка, вдруг неожиданно скривился в неприкрытую гримасу страха. Швырнув фотографию обратно на комод, Санька, метнувшись к двери, выкрикнул:

– Агас! Валим отсюда!

– Сашок, да здесь добра немерено! Что, просто так уходить? Такая удача один раз в жизни бывает? – удивленно отозвался Чиграш, приятель Григорьева.

– Ты что, баран, без башки, что ли, хочешь остаться?! – неожиданно истерично отозвался Сашка.

Грубость, столь несвойственная для Санька, покорила всех. Молча выскочили из дома, позабыв даже запереть двери. Уже отбежав на значительное расстояние, заметили, как к воротам подъехал «Ситроен», из которого вышли двое мужчин: один из них держал неброский кожаный портфель черного цвета, в руках у другого был цветной пакет. Открыв ворота, они подождали, пока автомобиль заедет во двор, а потом наглухо закрыли створки.

– Хорошо, что ушли, так бы влипли, – выдохнув, произнес Сашок.

– Повезло, – согласился Чиграш.

– Кто это был? – спросил Степан.

Внимательно посмотрев на приятеля, тот серьезно отвечал:

– Лучше тебе этого никогда не знать. О том, что здесь произошло, никому ни слова! Иначе нам голову оторвут.

Сашка знал о чем говорил. Ему можно было верить, а потому об этом ограблении постарались не вспоминать.

Случившееся уже стало понемногу забываться, когда вдруг неожиданно пропал Сашка Григорьев. Решили, что он, никого не предупредив, как поступал не однажды, уехал навестить отца, проживавшего в Питере с другой семьей. Однако еще через неделю грибники натолкнулись в лесу на его почерневший труп, подвешенный на дереве. Перед смертью его крепко пытали – на теле оставались следы от ожогов, пальцы на ладонях были переломаны. Вскоре неожиданно погиб Вадим, он же Чиграш, его убили заточкой в сердце. Труп парня обнаружили утром на пустой лавке подле собственного дома. Он лежал с широко открытыми удивленными глазами, прижав правую ладонь к узенькой груди. После второго убийства их компания тотчас распалась, а сам Степан перебрался в Москву, где поступил в Московский художественный институт. Учеба походила на сплошное баловство, где были веселые загульные компании, безмерное количество выпитого вина на лавочках ночного парка и женские общежития, в которых студенты были настолько частыми гостями, что даже коменданту стало казаться, будто бы они там прописаны. Но худшее зло случилось несколько позже, уже на втором курсе, когда на спор Шабанов сумел изготовить качественную углубленную тысячерублевую гравюру. Кто-то дальновидный «капнул» в деканат, и, стараясь не поднимать шумихи, его просто по-тихому выперли из института. Восприняв случившееся как предостережение судьбы, Степан более не привлекал к себе внимание и поступил в технический университет.

По року судьбы или по странному стечению обстоятельств через год после того памятного случая, из их тесной подмосковной компании в живых остался только он один. Третий

утонул у самого берега, отправившись на рыбалку; четвертый, сев за карманную кражу, умер на пересылке, а пятый был сбит грузовиком.

Опасаясь дразнить судьбу, к бабке Степан больше не вернулся, но привычка красть, полученная в юности, оказалась куда серьезнее, чем он поначалу полагал, а потому со студенческим безденежьем Шабанов решил бороться самым радикальным образом – просто вскрывал пустующие квартиры, забирая из них все самое ценное. Вместе с каждой обворованной квартирой возрастало его мастерство, а знания, полученные в вузе, не пропали бесследно, он научился взламывать электронные системы, расшифровывать коды, блокировать сигнализации. А за неделю до государственного экзамена сумел ограбить ювелирный магазин, заблокировав систему оповещения. В общем-то, именно это дело он считал своей настоящей дипломной работой, так что не было ничего удивительного в том, что свой официальный проект он защитил на оценку «отлично». Перед ним предстала дилемма: что делать дальше? Промотав последнюю сотню рублей в одном из ресторанов, Степан окончательно определился с выбором. Он вдруг осознал, что его ничто так не волнует, как алмазы, перекатывающиеся на ладони; искрящийся многими красками свет будоражил ни с чем не сравнимые чувства. Такая любовь к алмазам могла появиться только у человека, родившегося на алмазных карьерах, у того, кто едва ли не ежедневно вдыхал в себя запах кимберлитовой пыли. Каково это ощущение – бегать по кимберлитовым глыбам, прекрасно осознавая, что любой из кусков может содержать алмазы. Подобного чувства не понять даже хозяевам ювелирных салонов и алмазных ярмарок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.